МОЛОДЕЖНЫЕ
ХИТЫ

Мирай

Читайте в серии:

Альтернат

Альтернат. Притворный герой

Продолжение следует...

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

МЕДИНА МИРАЙ

Альтернат

N SUGAR BOOKS

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М63

Медина Мирай
Альтернат

Иллюстрации *Darri*
Дизайн обложки *Е. Фрей*

Мирай, Медина.
М63 Альтернат: NoSugar Books, издание исправленное и дополненное/ Мирай, Медина; илл. Darri. — М. : Издательство АСТ, 2025. — 304 с. : ил. — (NoSugar. Хиты Медины Мирай).

ISBN 978-5-17-169006-9.

Вместо титула короля в родных краях он предпочел жизнь изгоя и спасение простых людей от аномалий — чудовищ, веками населявших планету.

Домом ему стал научный центр «Альтернат», а прозвище Янтарная Тень заменило настоящее имя, о котором он хотел бы забыть. Всё шло как обычно: задания, благодарные спасенные люди, но неожиданно для всех объявляются пропавшая наследница «Альтерната» и ее друг, а вместе с ними — тайны и вопросы, ответы на которые предстоит найти.

Над Тенью нависла угроза: загадочный юноша по имени Курт почему-то одержим его убийством. За этим кроется страшное преступление, тянущее за собой цепочку смертей, и ни Тень, ни его близкие даже не догадываются, что появление Курта — только начало их бед, ведь тот, кто стоит за ним, кажется, не собирается обходиться одной лишь гибелью Тени.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Медина Мирай, текст, 2025
© Darri, иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-169006-9

ГЛАВА I

Если бы у меня была возможность забыть об этом, я бы непременно ею воспользовался. Но люди или, скорее, нелюди, которые могли мне в этом помочь, наотрез отказались — видимо, чтобы я еще больше возненавидел их. Или себя. Да, пожалуй, больше их всех я ненавидел лишь себя.

Все началось в день смерти Аластора — старейшего члена нашей семьи. Я бы с удовольствием забыл и о нем, и не я один. Тот день мы все мысленно внесли в короткий список праздничных.

Никто в доме не обращался к Аластору как к отцу или дедушке, кроме *него*. У него одного хватало искренней, необъяснимой, непонятно откуда взявшейся, просто абсурдной любви к этому монстру. Мы все дали ему прозвище Янтарная Тень. Нет, не потому что его тень действительно была янтарной, а потому, что сам он выглядел как тень, и только расшитые золотом и серебром костюмы позволяли чужакам понять, что он не плод их воспаленного воображения. Тьма, покрывавшая его тело с рождения, не давала увидеть ни лица, ни даже просто цвета кожи.

Было у него и имя, но мы так редко обращались к нему, что отвыкли, и все называли его «сынок», «брат», «Ваше Высочество» или же по прозвищу, которое для простых работяг было все равно что титул.

При чем же здесь янтарь?

Части его тела буквально обретали янтарные очертания, когда соприкасались. Если он скрещивал руки, можно было четко увидеть тоненькие рваные линии вокруг них, но стоило рукам опуститься — линии исчезали. Казалось, кто-то выделял контуром его губы, пальцы, ногти, пряди волос, нос под определенными углами, каждый волосок в бровях. Мы называли эти конуры трещинками, представляя, что окутывающая его тьма — лишь плотная оболочка, сквозь которую отчаянно старается прорваться свет. Тьма эта не была однотонной, так что его нельзя было сравнить с полноценной тенью.

Первое время всех нас сводило с ума и кое-что еще — янтарное сияние, заполнявшее его глаза в кайме густых ресниц. Забавно, но хотя нам и не удавалось рассмотреть ни его зрачки, ни даже очертания радужек, которых, кажется, попросту не было, мы всегда легко понимали его эмоции благодаря бровям, прищуру и полоске губ.

И была у него еще особенность: он мог с легкостью обратить простого человека в пыль, коснувшись на эмоциях. Неважно, загрустит он, разозлится, испытает отвращение к кому-либо или его просто рассмешат. Так что ему с детства пришлось учиться себя контролировать. К счастью для некоторых, этот эффект распространялся лишь на простых людей и предметы, которые частенько становились жертвами его эмоций.

Однажды к нему на руку села птица, и Тень так обрадовался ее доверию, что случайно испепелил. Ох и много же слез он тогда пролил, повторяя: «Мне не нужно было радоваться».

Так вот, день смерти Аластора.

Нам всем, начиная с прислуги и заканчивая членами семьи, с трудом удавалось изображать боль скорой потери. Аластор чувствовал это и всю пробудившуюся любовь вымещал на Тени, своем любимце, сидевшем у постели. Аластор любил его больше сына, его жены, своей жены и второго внука, и эта любовь была полностью взаимна. Тень то ли не видел, то ли не придавал

значения тому, к какому монстру решил проявить милосердие. Порой казалось, что Тень в принципе неспособен увидеть что-то плохое в других.

Аластор вцепился в него морщинистой сухой рукой. В глазах застыли его первые в жизни старческие слезы, которых было недостаточно, чтобы хоть одна скатилась по белому лицу. Он искал кого-то, не решаясь спросить об этом ни меня, ни Тень.

Аластор растворился перед ним, распавшись на миллиарды поблескивающих частиц. Позже, когда о его смерти узнали во всем замке, Тень подошел ко мне и наивно, ссутулив узкие детские плечи, тоненьким голоском протянул:

— Что с ним случилось?

Немыслимо, какой властью, какой необузданной разрушительной силой обладал этот мальчик. Ему стоило лишь пожелать всевозможных богатств, как они тут же перешли бы в его владение. А он даже не понимал, что такое смерть. Я не подумал, что он впервые увидел, как умирают долгожители, и посмотрел на него как на идиота, заставив растеряться.

— Аластор умер.

Тень стоял в ожидании, но я не захотел раскрывать детали, и последовало ожидаемое:

— Как это?

— Это когда ты перестаешь существовать в этом мире.

— Не понимаю.

— Когда душа покидает простого человека, его тело хоронят в земле. Позже на том месте прорастет трава и в свою очередь послужит пропитанием для животных. Так тела простых людей становятся частью мира. Это называется круговоротом жизни. Когда же умираем мы, наше тело растворяется. Мы не становимся чьей-то едой, частью земли или ветра. Мы становимся пеплом.

— Ничего не понимаю.

Я тяжело вздохнул.

— Неудивительно. Рассказать об этом подробно никому еще не удавалось.

— Почему?

— Потому что мертвые не разговаривают.

Тень прислонился к стене и задумчиво потер подбородок.

— А какую пользу мы тогда несем? Тела простых людей превращаются в траву, а та служит чьей-то едой. А мы? Какая польза от нас?

— Не знаю.

Его такой ответ явно не устроил, но возразить ему было нечего.

— Получается, Аластора больше не будет. — Он сполз по стене на пол и поджал колени. Голос его становился все тише. — А где он сейчас?

— Не знаю, Тень! — взорвался я. — Отстань от меня со своими расспросами. Я не знаю все на свете.

Но именно так обо мне думал Тень с первого дня, как научился понимать, кто из окружающих умнее него, а кто нет. Достаточно было знать на пару вещей больше, чем Тень, чтобы он потянулся за тобой. Всего пара вещей — и вот он уже рассказывает тебе обо всем, что с ним происходит, в надежде, что ты поделишься мнением. Невероятные упорство и дружелюбие, граничащие с назойливостью.

Интересно мне было, какой король из него вырастет. Никто не сомневался в том, что правление Темными землями перейдет к нему. Мы лишь опасались, что он превратит его в розовую долину с пони, карамельной радугой и пряничными домиками, покрытыми глазурью. Думаю, если бы он тогда знал, что все это такое, или хотя бы мог представить, обязательно бы так и поступил, ну а пока черные грозовые тучи, вулканический пепел, носимый холодным ветром, серые неприступные горы, похожие на вздыбленную шерсть, холмы в ядовитом клубящемся

тумане, иссохшие пустыри с россыпью трещин и реки с лавой его не особо волновали.

Никто никогда не видел здесь солнца, но простой народ любил фантазировать, как оно могло бы выглядеть. Тень тоже фантазировал и даже делал зарисовки, которые были так похожи на правду, что позже их приходилось прятать, чтобы прислуга или стража ненароком не наткнулась на них и не рассказала другим людям. Никто не должен был знать, какая жизнь за пределами земель. Даже члены королевской семьи. Их обязанность — сидеть в замке и править маленькими народцами, раскиданными великой войной по этим землям. Так продолжалось столетиями, пока не появилась одна деревенская глухонемая девушка, которая ненароком разрушила весь многовековой королевский строй, а заодно и пару жизней, включая мою.

И нет, это не история о любви. По крайней мере не о той, о которой принято думать.

ГЛАВА 2

Вот уже неделю полиция и мирные жители то там, то тут находили разорванные тела мужчин. Убивали их под покровом ночи, в темных безлюдных закоулках. Было у них кое-что общее: все до единого хоть раз совершали преступление. Когда об этом стало известно, ньюйоркцы выдохнули: теперь они знали, что им нечего бояться. Появились и охотники за таинственным «героем», избавлявшим их от угрозы, и некоторые смогли что-то увидеть. А один из них — даже снять.

Так сегодня, 21 апреля 2021 года, на полочки всех киосков попала газета, первая полоса которой заставляла каждого третьего прохожего остановиться и всмотреться в заголовок и фото, занимавшее всю страницу.

Одним из таких прохожих стал Тень.

Огромными черными очками и черной маской с кошачьей мордочкой на все лицо никого было не удивить, учитывая, что на другом конце квартала разгуливала целая толпа в расписанных граффити скафандрах. Чудаковатостью таких людей Тень каждый раз и пользовался, стараясь казаться хотя бы чуточку обычнее, чем они. Его радовало, что в современном мире можно выглядеть как угодно и не вызывать подозрения. Главное — все тело, и особенно руки, прятать под специальной обработанной одеждой, способной выдержать эмоции Тени. На всякий случай он накидывал на голову капюшон.

Он схватил газету со стола киоска, не заметив, что буквально выдернул ее из рук какой-то девушки, тоже потянувшейся за ней, и пробежался по первым строкам.

— Так я и думал!

— Что, сэр? — спросил продавец.

— Э-э-э, ничего, простите. — Он вытащил из кармана желтой толстовки купюру в десять долларов. — Сдачи не надо.

Обратно он возвращался на метро. Его не остановили ни жара, ни перспектива около часа трястись в переполненном грязном вагоне, вдыхая тошнотворный аромат сырости, немытых потных тел и алкоголя, которым разило от пьяного мужчины в старом рваном пальто. Тень даже терпеливо высидел, когда тот вздремнул, положив ему голову на плечо.

Несмотря на все минусы, его очаровывала эта городская суета. Он находил в ней что-то завораживающее, милое и жизнеутверждающее. Да, он считал простых людей интересными даже со всеми их недостатками.

Выйдя на конечной станции, он принюхался к своему рукаву и сжал кулак от отвращения. Запах метро, как и ожидалось, впитался в одежду.

В ста метрах от него за полосой из близко посаженных деревьев виднелась крыша футуристичного научного центра «Альтернат», рядом с которым любили фотографироваться туристы. Здание напоминало три неровно поставленные друг на друга белые книги. Пару лет назад к первому этажу на заднем дворе пристроили три новых ромбовидных блока, в которые перенесли спортзал, библиотеку с архивом, кафе и актовый зал, чтобы освободить помещения для новых лабораторий и мастерской.

Пробежав по тропинке вдоль двух клумб, Тень зашел в здание, перепрыгнул через турникет, поднялся на третий этаж и влетел в комнату под номером три. Та, кого он искал, — девушка на вид лет семнадцати — сидела за столом у холо-

MACEST

дильника и сосредоточенно зашивала лапку плюшевого зайки ярко-желтого цвета.

— Айрис, ты ничего мне не хочешь сказать? — спросил Тень сразу на входе.

— Что, ты опять вместо того, чтобы, как все нормальные люди, вызвать такси, втиснулся в душное тесное метро и поэтому сильно вспотел? — спросила она как ни в чем не бывало, не отрывая взгляд от своего любимца.

С легким шлепком Тень опустил перед ней газету.

— О! — воскликнула Айрис восхищенно, отложив иглу и хлопнув в ладоши. — Надо же. Да я знаменита!

— Айрис, это совсем не смешно. И гордиться тут нечем. Они сняли на камеру твою бродящую по улицам города статую. Где ты ее взяла? И почему она так похожа на статую со здания верховного суда?

— Потому что это она и есть! — затараторила Айрис. — Но не волнуйся, она уже вернулась на место! В любом случае не переживай так. Нынешних людей трудно удивить. Вот и статуи их не впечатляют настолько, что фото утекло в газеты. — Она вернулась к зашиванию лапки зайки. — Если даже ЦРУ плевать, то зачем паниковать? И что за смельчак это снял? Я всегда перед нападе... обезвреживанием преступников отключаю камеры...

— То есть ломаешь их? Ты же понимаешь, что наносишь городу ущерб?

Она поджала подкрашенные зеленой помадой губы так, что уголки рта приподнялись в вымученной улыбке. В зеленых глазах сверкнул ехидный блеск.

— Ну, может, я и сломала парочку...

— Сколько именно?

— ...Десятков.

Тень закатил глаза и закрыл лицо руками.

— Ты сейчас закатил глаза?

— Да.

— Просто хрен поймешь.

Он уперся руками в стол и низко опустил голову.

— Ты убила людей, Айрис. Снова. Может, некоторые из них этого и заслуживали...

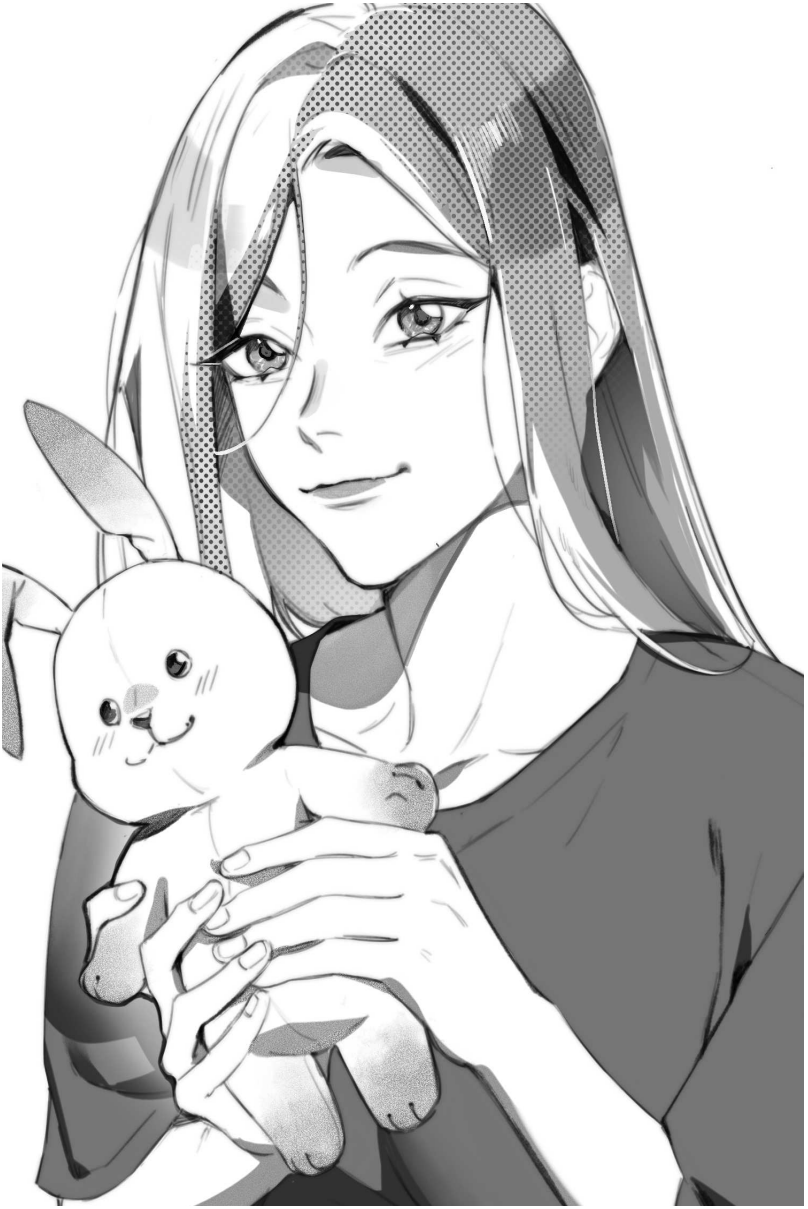
— Они были преступниками. Некоторые из них — действующими. Кто-то даже нападал на женщин.

— Для того чтобы судить их, есть закон.

— Американские законы отправят их в тюрьму на пару лет, а потом выпустят? Вот помнишь, как было раньше? Каких-то двести лет назад. Кто-то совершил преступление, ты тихонько его прикончил — и все, никаких проблем.

— В те времена тоже судили.

— Только если были свидетели или очевидные доказательства, — возразила Айрис. — Но в наше время все устроено так, что, если тебя изобьют до полусмерти, ты должен с пеной у рта доказывать это, чтобы получить компенсацию или чтобы твоего обидчика посадили. Зачем так убиваться, если можно разом решить проблему? И потом, ты дальше третьего предложения эту статью читал? Тут пишут, что местные даже рады. Они знают, что с ними ничего не будет. Бояться следует преступникам, а значит, и преступлений теперь будет меньше.

Тень покачал головой. Закончив с восстановлением шва, Айрис воткнула иголку в подушечку, усадила зайку на колени и повернулась к Тени.

— Дружище, я знаю, что ты тот еще гуманист. Но правда в том, что порой справедливость заключается в ответном насилии. Не в том, которое откладывают на полгода в лучшем случае, пока жертва живет в страхе, что ее обидчика могут оправдать, с ощущением, что с ней могут поступить несправедливо. А в том, которое происходит сразу. И потом, разве тюрьма — достаточное наказание, скажем, за надругательство? Треть этих мужчин